

Вср. Москва. — 2003. 17 окт. — с. 6.

Андрей Гаврилов: Генцев должно быть мало

Рабочий эпизод из жизни Андрея, Юки и Арсения Гавриловых

— Вы 13-го, оказывается, уже сыграли в Большом зале консерватории?

— Там был концерт молодых музыкантов памяти Горовица. Они три часа демонстрировали свое мастерство с пеной у рта, изо всех сил. Я играл час, хотел показать самого интимного Шопена... Я же Горовица ненавижу!

— Почему?

— Там в зале ходила телекамера — они спрашивали: кто Горовиц для вас? Я сказал, мне кажется, довольно точно: это замечательное нервное хрупкое дарование, утонувшее в океане вульгарного нарциссизма и местечковой пошлости.

— А что противопоставляете?

— Золотое искусство, освященное идеализмом, вкусом и достоинством.

— Сейчас вообще есть настоящие пианисты? Кого бы вы назвали?

— Никого.

— Ну так не может быть.

— Я и из прошлых-то только двоих называю, Сергей Васильевич мог бы дать значительно больше. Но, к сожалению, перешел на регулярное зарабатывание денег. А потенциал и возможности были огромные. Они отвечают моим требованиям к пианистам.

— Рахманинов?

— Да. И больше никого. Хотя, конечно, Сергей Васильевич мог бы дать значительно больше. Но, к сожалению, перешел на регулярное зарабатывание денег. А потенциал и возможности были огромные. Они отвечают моим требованиям к пианистам.

— А к нам иногда заезжают мировые знаменитости. Марта Аргерих очень оригинально выступала, со

скандалом. Играет очень интересно.

— Она варится в блюде с кипятком. Вроде к 70 годам надо что-то новое создать, кроме подросткового обаяния, а то неловко. Успех любой ценой — к музыке это никак не относится.

— Ну, про вас тоже говорят, что вы достигаете успеха не только музыкальными средствами, но всякими внешними штучками. Вы так вольно на сцену выходите, оглядываете зал, темные очки... И что интерес к собственной персоне у вас слишком перевешивает.

— Насчет интереса к собственной персоне. Конечно, внутренняя жизнь требует постоянного всматривания в себя. Иначе — всё, стоп. Но, наверно, я был бы очень ограничен и скучен, если бы только это. Тогда ведь получится что-то вроде Мережковского — талантливого и самовлюбленного болвана.

— И все же именно вас называют экстравагантным пианистом.

— Экстравагантность здесь не ночевала. Это просто моя честность перед очень большим делом. Человек-то в музыке голенький.

— Вас рекламируют как одного из самых выдающихся пианистов современности. Может быть, известная доля экстравагантности, которую вы сами не замечаете, наоборот, помогает вам не выглядеть солидным и величественным?

— «Величественность шарлатана» (как говорил Розанов) — это всегда одно с другим рядом. Талантливый человек

себе величественным быть не позволит, понимая, где его ж..а находится в мировом пространстве. Есть вообще люди без рамок и без определений. (Опять же Розанов: человек, приобретающий это никак не относится.) Они не вписываются в представления той или иной группы людей, и это соль земли, классные ребята, их о-о-о очень мало. Ну, 5–6 на планете. Например, мой друг Петр Копровский, нобелевский лауреат по биологии, он работал в СПИД-институте в Филадельфии. Он чудо несолитности. Но его уже нет на свете. Или Сьюзен Зонтаг, американский философ, подруга Бродского. В общем, бывают. Гениев и должно быть мало, а то скучно будет.

— Говорят, что вы живете в Швейцарии в собственном уголке в замке, принц, в общем. А как на самом деле?

— Я живу жизнью всех без исключения людей на земле. Со всеми трудностями быта в том числе. И от «вашей» жизни совсем не далек. Как, впрочем, и от Южной Палестины или Индонезии... Вы не представляете, как изматывает меня жизнь. Планирую все дико быстро, ловлю предложения молниеносно — Интернет помогает. Погребен работой, борюсь — одним словом, живу. Иногда пальцы в крови. Иногда отваливаю куда-нибудь от людей на «подумать».

— Вы дружите с Рихтером, играли с ним. Но такое впечатление, что московский круг «рихтерианцев» вас не принимает. Они стараются вас не вспоминать.

Гражданин четырех стран, пианист Андрей Гаврилов когда-то круто начал с того, что в 1974 году в 18 лет получил первую премию на Конкурсе имени Чайковского. В том же году заменил на Зальцбургском фестивале заболевшего Рихтера. А потом — сложная судьба эмигранта доперестроечного периода. Завтра Гаврилов, один из самых оригинальных музыкантов современности, дает сольный концерт в Международном московском доме музыки.

— Нет, просто мы существуем в разных пространствах, которые никоим образом не соприкасаются. Это же так очевидно!

— Не факт. Отношения отношениями, а музыка музыкой. Почему вас, например, не приглашают на «Декабрьские вечера»?

— Я никогда не пойду, они хорошо это знают. Фестиваль не соответствует моим представлениям об искусстве. Я ведь очень честный человек в отношении искусства. Если и позволить себе быть нечестным где-то, то в искусстве это последнее дело. Это уж просто себя не уважать.

— Знаменитая история, как вы с Рихтером играли сюиты Генделя, сменяя за роялем друг друга. Он много раз потом говорил, что в записи не различает, где он играет, а где вы. А вы различаете?

— И сам Рихтер, и пресса навели тень на плетень. Так запутали наши отношения, что выплеснули самого ребенка. Если в двух словах... Мы готовили Генделя параллельно. Он в одной части Европы, а я в другой. Встретились ночью, стали играть друг другу. Он играл консервативно, так, по-консерваторски. Небольшие контрасты, обычная барочная музыка. А я привез театральную бурю — в итоге это и легло на пластинки. Он тогда выслушал мою часть — и убежал в истерику из замка, где мы встречались. 3–4 дня он подделывал стиль и — стало все похоже. Сам я отличаю, где я, где он, но с трудом — Рихтер очень талантливый артист. Но он никогда и нигде не признался, что был тогда огорошен и подражал моему стилю. И получилось, что мы случайно стали похожи друг на друга. Рихтер был очень и очень слабый человек.

— Андрей, а какие у вас отношения с критикой?

— Иногда они устраивают просто шабаш. Не так давно я играл в Мюнхене, и известный критик Иоахим Кайзер, который свел в могилу Караяна, написал, что и я, как Караян, размыл конфликты между добром и злом. Другая часть критики все же перевесила, и итог дискуссии оказался такой: невыпеченная душа большего стоит.

Я бы еще посоветовал критикам различать кое-что. Если музыкант говно, но милый человек — то так и надо писать, это же две разные профессии. Быть хо-

рошим человеком важнее, потому что хороший солист-говно всегда найдется... Кайф, что критику можно писать. А я вот только в клозете ругаться могу.

— А Россия, по-вашему, изменилась? Вы же долго к нам не ездили.

— Двадцать лет. Одно не изменилось: здесь все такой же оплот дурновкусия и дикой вульгарности в европейском пространстве.

— Может, вы Россию сегодняшнюю плохо знаете? Вот, например, что такое «Горбушка»?

— Вы меня очень недооцениваете. Еще в 1979 году, пробуя новые сочетания классических инструментов, я там играл с саксофонистом Козловым некоторые современные штучки.

— Много ли вы сейчас записываетесь?

— Нет еще приборов для записи душевной энергии, которая только и создает магию на концертах. А в записи остается труп, кукла, более или менее красивая. Поэтому я записи вообще бросил 10 лет назад. Это такое тонкое дело, я тут много об этом думал в последнее время, старался все дефинировать и пришел к очень простым и ясным формулировкам. Музыка на нотном стане — не что иное, как душа композитора в состоянии сна. Вечного, пока великий артист магически не оживит и не пропустит душу композитора к душам слушателей. Он — проводник душевной энергии. И этот самый проводник должен обладать чистой душой. И быть наполнен любовью на уровне Федора Михайловича... Нет, даже на апостольском уровне. И только тогда можно возвышаться до больших истин и откровений. Так что какие уж тут записи, к черту.

— У вас маленький сын...

— Да, смешанная раса. Моя жена Юка — японка, и в Арсении все пополам между Востоком и Западом.

— Андрей, у вас такая жизнь интересная, столько недостижимых взлетов и столько ударов, от которых трудно было оправиться. Пожелали бы вашему сыну такой судьбы?

— Пожелал бы высот. А всего остального, надеюсь, можно достичь меньшей болью.

— А тогда как? Что для этого надо? Уважать себя. И безусловно любить людей.

Беседовала
Наталья ЗИМЯНИНА